

обувь определенной формы и определенного цвета. Действительность, однако, разбила в прах эти мечты, что подтверждается свидетельством того же Константина Багрянородного. В сочинении «Об управлении империей», после краткого обзора угрожающих ей северных народов и областей, он делает в главе XIII свое известное замечание о ненасытной алчности этих народов и об их постоянных притязаниях. «Если, пишет он, когда-нибудь хазары или торки, или руссы, или же иной народ из северных и скифов, что часто случается (*οἷα πολλά συμβαίνει* — подчеркнуто нами. — В. Л.), вздумают требовать себе что-либо из царских одежд, или венцов, или облачений (*στολῶν*) для какой бы то ни было своей надобности и службы, следует тебе отказать, объяснив, что такие облачения и венцы, которые у нас называются камилавкями, не людьми сработаны и не человеческим искусством задуманы и выработаны; но, как мы находим в тайных записях древней истории, некогда сам Господь соделал Константина Великого первым христианским царем, послав ему через ангела своего те облачения и венцы...»⁶⁵ Легко себе представить, что если подобная аргументация была мало действенной в X в., то она стала еще менее убедительной в XI—XIII столетиях, когда на Балканах и на Руси возникли мощные государственные объединения. В результате болгарские цари (ср. портреты Константина Асеня и Ирины в Бояне)⁶⁶ и сербские короли (см. многочисленные ктиторские композиции)⁶⁷ смело присваивали себе одежды и регалии византийских императоров, стремясь всем своим внешним видом походить на них, так как в представлении средневековых властителей образ пышно разодетого василевса был своего рода символом государственной власти.

Учитывая все вышесказанное, мы можем теперь попытаться реконструировать одежды Ярослава и Ирины (рис. 17). Копия с рисунка Вестерфельда служит нам здесь единственным подспорьем. Приходится, однако, всегда помнить о неточности этого рисунка, в чем мы могли уже неоднократно убедиться.

На миниатюрах Радзивилловской или Кенигсбергской летописи русские князья и даже великие князья нигде не уподобляются в облачениях царскому чину. В то же время греческие цари изображаются в рукописи всегда в короне, будь то стемма или корона с лучевым верхом⁶⁸. Князья здесь одеты в длинный, разноцветный, подпоясанный у стана кафтан, с оплечьем и широкой каймою по подолу и с нарукавниками. На голове матерчатая шапка полукруглой формы, чаще всего в виде конического колпака с меховой опушкой⁶⁹. На копии с рисунка Вестерфельда мы имеем дело с иным облачением, очень близким к царскому. На Ярославе подпоясанный у стана кафтан, с широкой каймою по подолу и с нарукавниками. Поверх кафтана наброшена тяжелая мантия, скрепленная у правого плеча фибулой. Орнамент мантии, отороченной усаженными драгоценными камнями-коймами, состоит из крупных кругов, заполненных изображениями орлов⁷⁰. На голове не княжеская шапка, какую мы видим на вели-

⁶⁵ Const. Porphyg., De administrando imperio, cap. XIII. PG, t. 113, col. 179.

⁶⁶ A. Grabar. La peinture religieuse en Bulgarie, pl. XX.

⁶⁷ V. Petković. La peinture serbe du moyen âge, I. Beograd, 1930, pl. 5 c, 14, 15 v, 25, 37 a, b, 44 a, 82 a, b, 86, 120 a, 133 a и мн. др.

⁶⁸ Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Издание Общества любителей древней письменности, I. СПб., 1902, лл. 5 об., 31 об., 38 об., 39 об. и мн. др.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Такие византийские ткани дошли до нас в довольно большом количестве. См.: O. von Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei, Abb. 187—192, 206. Если доверять копии с рисунка Вестерфельда, то орлы были не двуглавыми, а одноглавыми.